

ГАСТИНГСКОЕ ПОЛЕ

Глубоко вздыхает вальтамский аббат;
Дошли к нему горькие вести:
Проигран при Гастингсе бой — и король,
Убитый, остался на месте.

Зовет он монахов и им говорит:
«Ты, Асгод, ты, Эльрик, — вы двое —
Идите, сыщите вы труп короля
Гарольда меж жертвами боя!»

В печали монахи на поиск пошли;
Вернулись к аббату в печали.
«Нерадостна, отче, господня земля:
Ей дни испытаний настали!

О, горе нам! пал благороднейший муж,
И воля ничтожных над нами:
Грабители делят родную страну
И делают вольных рабами.

Паршивый норманский оборвыш — увы! —
Британским становится лордом;
Везде щеголяют в шитье золотом,
Кого колотили по мордам!

Несчастье тому, кто саксонцем рожден!
Нет участи горше и гаже.
Враги наши будут безбожно хулить
Саксонских святителей даже!

Узнали мы, что нам большая звезда
Кровавым огнем предвещала,
Когда на горящей метле в небесах
Средь темной полночи скакала.

Сбылося предвестье, грозившее нам
И нашей отчизне бедами!
Мы были на Гастингском поле, отец, —
Завалено поле телами.

Бродили мы долго, искали везде,
Надеждой и страхом томимы. ..
Увы! королевского тела нигде
Меж трупами там не нашли мы!»

Так молвили Асгод и Эльрик. Аббат,
Сраженный их вестью жестокой,
Поник головою — и молвил потом
Монахам с тоскою глубокой:

«Живет в гриндельфильдском дремучем лесу,
Сношений с людьми не имея,
Одна, в беззащитной избушке своей,
Эдифь Лебединая Шея.

Была как у лебедя шея у ней,
Бела, и стройна, и прекрасна,
И в бозе почивший король наш Гарольд
Когда-то любил ее страстно.

Любил он ее, целовал и ласкал;
Потом разлюбил и покинул.
За днями шли дни, за годами года:
Шестнадцатый год тому минул.

Идите вы, братие, в хижину к ней...
Туда вы поспеете к ночи...
Возьмите с собою на поиск Эдифь:
У женщины зоркие очи.

Вы труп короля принесете сюда;
Над нашим почившим героем
По чину мы долг христианский свершим
И с почестью тело зароем».

Уж в полночь монахи к избушке лесной
Пришли — и стучатся. «Скорее
С постели вставай и за нами иди,
Эдифь Лебединая Шея!

Нас герцог норманский в бою победил,
И много легло нас со славой;
Но пал под мечом и король наш Гарольд
На гастингской ниве кровавой!

Пришли тебя звать мы — искать, где лежит
Меж мертвыми наш повелитель:
Найдя, понесем мы его хоронить
В священную нашу обитель».

Ни слова не молвя, вскочила Эдифь
И вышла к монахам босая.
Ей ветер полночный трепал волоса,
Седые их космы вздувая.

Пошли. По оврагам, по топям и пням
Вела их лесная жилища. . .
И вот показался утес меловой,
Как в небе зажглася денница.

Белея как саван, взвивался туман
Над полем сраженья; взлетали
С кровавыми клювами стаи ворон —
И дико и мерзко кричали.

Ограблены, голы, без членов, черны,
Валялися трупы повсюду:
Там люди лежали, тут лошадь гнила,
Давя безобразную грудь.

Бродила Эдифь по равнине, где меч
Разил и губил без пощады;
Из глаз неподвижных метала она,
Как стрелы, пытливые взгляды.

В крови по колени ходила Эдифь;
Порой рукавами рубахи
От мертвых гнала она стаи ворон.
За нею плелися монахи.

Весь день проискала она короля.
Закат был как зарево красен. ..
Вдруг бедная с криком поникла к земле.
Пронзительный крик был ужасен!

Нашла Лебединая Шея, нашла,
Кого так усердно искала!
Не молвила слова и слез не лила,
И к бледному лику припала...

Лобзала его и в чело и в уста
И жалась лицом к его стану;
Лобзала на мертвой груди короля
Кровавую черную рану.

Потом увидала на правом плече
(И к ним приложились устами)
Три рубчика: в чудно-блаженную ночь
Она нанесла их зубами.

Монахи две жерди меж тем принесли
И доску к жердям привязали,
И на доску подняли труп короля
В глубокой, безмолвной печали.

В обитель святую его понесли —
Отпеть и предать погребенью;
За трупом любви своей тихо Эдифь
Пошла похоронного тенью.

И пела надгробные песни она
Так жалобно-детски!.. Звучали
Напевы их скорбно в ночной тишине...
Монахи молитву шептали.

Перевод М.Л. Михайлова